

Антропология от Петра: Лев Выготский Петра Щедровицкого

П.Г. ЩЕДРОВИЦКИЙ. Введение в философскую и педагогическую антропологию. Работы 1981–1996. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 359 с.

Среди океана книг по философии, антропологии, психологии изредка всплывают произведения особого жанра: «книги – жизненные проекты». В этом жанре и исполнено произведение известного методолога, философа и политика Петра Георгиевича Щедровицкого.

П.Г. Щедровицкий является в идеологическом и генетическом смысле слова прямым продолжателем Георгия Петровича Щедровицкого (1929–1994) – основателя Московского методологического кружка (ММК), идеи которого были и остаются интеллектуальной грибницей, своего рода ризомой для многих поколений возмутителей спокойствия философской и общественной мысли в нашей стране.

Для понимания специфики жанра «книги – жизненного проекта» весьма важно выделить два замечания П.Г. Щедровицкого, которые он роняет в самом начале своего монографического исследования.

Замечание первое: «Я вырос в архиве ММК (Московского методологического кружка)» (с. 8).

Замечание второе: «Георгий Петрович называл этот жанр “Текстами для уяснения вопроса самому себе”» (там же).

Напор сомневающейся вопросительности – это типичный когнитивный стиль любых продуктов творчества П.Г. Щедровицкого независимо от того, представлены ли они зрителю или читателю в форме публичных выступлений или письменных текстов.

Этот напор сразу же ощущается при неспешном чтении оглавления – разделов, заголовков и подзаголовков книги, которые, по существу, несут в себе энергетiku тезисов, передающих шаг за шагом программу новой антропологии, которую, как будет показано далее, можно охарактеризовать как «антропологию от Петра». Культурным орудием этой программы являются вопрошающие диалоги с разными мыслителями и воображаемыми героями из разных пластов исторического времени – М. Шелером, Э. Кассирером, Г.Г. Шпетом, Дж. Г. Мидом, В. Дильтеем, Дж. Пико делла Мирандола, М.М. Бахтиным, М. Монтенем, К.Д. Ушинским и др.

Перечень собеседников, с которыми П.Г. Щедровицкий ведет свои «сомневающиеся диалоги», можно было бы продолжить. Но среди этого сонма собеседников есть особые смыслители автора – это, в первую очередь, Лев Выготский, Вильям Шекспир и ...Гамлет,

принц Датский. В этом же ряду было бы не лишне упомянуть и Бенедикта Спинозу, следуя завету которого П.Г. Щедровицкий стремится в своих диалогах «не предаваться удивлению, не смеяться, не плакать – но понимать». Для понимания программы новой «антропологии от Петра» следует специально отметить то, что сколько бы ни переосмысливал концепцию Л.С. Выготского П.Г. Щедровицкий, сколько бы ни занимался критикой разума культурно-исторической методологии познания, он работает, если использовать терминологию почтенного Л.С. Выготским Курта Левина, в «смысловом поле» Л.С. Выготского и самых близких его сердцу героев – Шекспира, Гамлета и Спинозы. И если мысль Л.С. Выготского слагалась под знаком Спинозы, то, согласен ли с этим автор философской и педагогической антропологии или нет, его собственная мысль слагалась под знаком Льва Выготского, названного с легкой руки Стивена Тулмина «Мощартом психологии».

Именно поэтому смыслы книги П.Г. Щедровицкого как его жизненного проекта наиболее емко передает название настоящего эссе – «Антропология от Петра: Лев Выготский Петра Щедровицкого».

К.С. Станиславский, начиная репетиции, порой спрашивал своих актёров: «Чем вы меня удивите?». Последуем далее его примеру и спросим: чем с первых страниц удивляет, трудно подобрать точное слово, «программа», «проект» антропологии Петра Щедровицкого?

Первое удивление – это три предисловия, чем-то напоминающие и «тройной прыжок» в пространство философско-педагогической антропологии, и мотивационный самоанализ замыслов методолога, превращающие разработанные в разное время проекты и тексты в некоторое «единство разнообразия», «смысловой гештальт». А из гештальта, как из песни, слова не выкинешь.

В своём первом «прыжке» – предисловии от 24 июля 2018 г., в которое, по сути, упаковываются два предисловия предшествующих лет (от 1992 и от 2006), П.Г. Щедровицкий подвергает критической рефлексии распространённую позицию, согласно которой «... Лев Выготский выступал противомесом к Георгию Щедровицкому» (с. 14), и оспаривает позицию о бессубъектности, безличности мыследеятельностной методологии Г.П. Щедровицкого, его «общей теории деятельности» (тут скорее я бы

говорил о противовесе Г.П. Щедровицкого психологическим теориям деятельности в разных проектах С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева).

В ходе этой критической рефлексии П.Г. Щедровицкий начинает достраивать системно-деятельностную методологию через антропологию, снимая тем самым претензии о ее бессубъектном характере. Он особо акцентирует внимание на том, что проблема самостояния человека была *рамкой* размышлений о деятельности и мыследеятельности в текстах ММК. И тут, раскрывая в текстах основателя ММК ускользающую от взора критиков общей теории деятельности антропологию, П.Г. Щедровицкий совершает, на наш взгляд, нечто гораздо большее — рефлексии своей ценностной установки и установки Г.П. Щедровицкого по отношению к месту личности в различных социальных системах как «загонах» для личности в различных «цивилизациях статуса», подобных описанным в таких романах-антиутопиях, как роман Евгения Замятина «Мы». Протицируем здесь текст автора полностью: «В ряде случаев, — пишет Георгий Петрович, — такая личность не просто обманывает систему и играет с ней в кошки-мышки, она начинает перестраивать саму систему, переделывать её в соответствии со своими идеалами и требованиями...». Люди будут играть с самой системой, а с другой стороны — друг с другом. В этой игре разнообразных сил исключительно большую роль приобретает рефлексия (см. с. 16). И далее, вслед за Г.П. Щедровицким, П.Г. Щедровицкий выдвигает важнейший и оправдывающий прописку антропологии в контексте общей теории деятельности тезис о том, что в пределе человек получает возможность за счёт рефлексивного самосознания менять законы жизни социальных систем.

На наш взгляд, эти ценностные установки наиболее рельефно отражают то, *зачем, ради чего* П.Г. Щедровицкий, пригласив в союзники Л.С. Выготского, разрабатывает конструктивную антропологию, — в которой человек через рефлексии и «отвагу» (Теодор Шанин) вступает в поединок с обезличивающей его системой. И Г.П. Щедровицкий, и П.Г. Щедровицкий в своих жизненных проектах были движимы, как бы сказал «противовесный» к их общей теории деятельности А.Н. Леонтьев, вершинным смыслообразующим мотивом обыграть социальные системы, помещающие человека в «загоны» функционирования, загоны навязанных местом в системе статусов и «функций-ролей».

По гамбургскому счёту вся книга П.Г. Щедровицкого, весь его жизненный антропологический проект является реализацией мечты не только играть в «кошки-мышки» с Системой, но и, благодаря рефлексии, ансамблю различных антропотехник, обыгрывать её. Драма психологии личности вместе с тем заключается в том, что в

играх с Системой методологам, а вместе с ними психологам и антропологам нередко достаётся трагичная роль мышки, которой никакие рефлексивные мутации так и не позволяют стать кошкой, не дают возможности выйти победителем в играх с Системой. При этом и методологи, и антропологи нередко, улы, столь заигрываются с системой, что оптимизируют её функционирование и сами становятся носителями тех норм, которые стремились изменить. Понимание этого факта стоит за фразой Г.П. Щедровицкого «Я — идеалист». Но именно идеалисты, обладающие отвагой мышления, стремятся переделать реальное через идеальное.

Мыследеятельностная антропология в стиле П.Г. Щедровицкого, совершая свои набегі то в миры управления и бизнеса, то проектируя образовательную и культурную политики, пытается отыскать пути ответа на вечные вопросы психологии и гуманистики: помогают ли решения проблем психологии, антропологии, социологии разрешению психологических проблем или через другую оптику — проблем человека, проблем общества. Автор вначале решает вопросы о смысле, вопросы «зачем нужны те или иные технологии», а лишь после этого отправляется на проектирование «технологий под смысл», оправдывает через различные практики, в том числе через антропотехники, различные технологии в процессе производства инноваций.

Многие реплики уже в предисловии, которые П.Г. Щедровицкий бросает как бы мимоходом по ходу пьесы, не просто современны, но и своевременны. К их числу относится идея, которая в моем пересказе звучит как идея об исторической ритмичности разных режимов эволюции — режимов стабильности и царства детерминизма и режимов нестабильности, царства случайности и телеологии. Именно в ситуациях режимов нестабильности достигает апогея особое производство — «производство инноваций», нововведений, пересборки ментальности. Большинство разработок ММК, существующих в латентной еретической форме в период «брежневского» застоя, оказались востребованными в ситуации режима нестабильности. Именно тогда актуализировался спрос на ментальные пересборщики, методологов и идеологов особого производства — производства инновации разума, иных логик, иных картин мира.

Вместе с тем нередко случается, что инерция мышления в стиле поклонения инженерии наделяет даром производства инноваций прежде всего представителей «инженерного цеха». В связи с этим П.Г. Щедровицкий весьма точно предостерегает от «героизации» Йозефом Шумпетером предпринимателей как ключевых драйверов производства новаций. Аналогично и сегодня концепты «предприниматель» и «лидер» неявно отождествляют в одном семантическом

пространстве, а эпидемии взращивания в интеллектуальных инкубаторах лидеров, поиска для решения проблем разработки новых поколений технологий, в том числе цифровизации, исключительно «лидеров», поражают самые разные страны в эпоху неопределённости. Возникает наивная иллюзия: вот придет лидер (он же предприниматель), всех рассудит и поведет в золотой век технологической сингулярности. Еще раз подчеркну, что предупреждение П.Г. Щедровицкого о рисках героизации «предпринимателей» и особого племени лидеров новаций не только современно, но и своевременно.

П.Г. Щедровицкий занимается в трех действиях своего романа, следуя в логике «тройного прыжка», как уже было сказано, принципу «повторение без повторения» (Н.А. Бернштейн), восхождению к своему собственному Льву Выготскому. Для него – и Выготский, и Шекспир, и Гамлет – герои в его спектакле. В спектакле, где автором, драматургом, режиссёром, а иногда и актером, идентифицирующимся с другими героями пьесы, является Петр Щедровицкий.

Первое действие спектакля «Философские и логико-методологические проблемы психологии» фактически начинается со скрытого диалога с известным трудом Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса».

Во втором действии, совпадающим с названием книги «Введение в философскую и педагогическую антропологию», Л.С. Выготский уже подается автором в интерьере психологии личности, становится точкой опоры для педагогики, отпавившейся на поиски человека и различных практик экспериментальной жизни, которые по ходу пьесы из психотехник перевоплощаются в антропотехники. И, наконец, в третьем действии мыслительной пьесы Петра Щедровицкого о Л.С. Выготском «Культурно-историческая концепция Л.С. Выготского» Выготский уже появляется на сцене как персонаж философской антропологии и одновременно становится почти призраком (знаковый вопрос книги «Была ли культурно-историческая теория?» – с. 211). Ставя этот вопрос, Петр Щедровицкий остается верен методологии как ремеслу «выбивания из седла». И в этом ракурсе выступает как достойный преемник Г.П. Щедровицкого, которого другой сын своего отца А.Ю. Зинченко весьма метко назвал «кочевником», владеющим именно мастерством выбивания из седла, мастерством смены ментальных установок. Если в предыдущих действиях и отдельных актах своего спектакля П.Г. Щедровицкий бросает взгляд на Л.С. Выготского с высоты методологического полета, то затем, имплицитно идентифицируясь с Л.С. Выготским, видит в его идеологии, по существу, «производство новаций». Он заземляет теорию Выготского в пространстве онтологии и

выделяет ее «инструментализм», «орудийность», прежде всего «знаковую техничность», в том числе через антропотехники. Казалось бы, по-сторонность культурно-исторической теории Л.С. Выготского предьявлена и наглядно представлена автором спектакля, онтологизирована и даже операционализована. Но тут-то кульминация, поражающая зрителей: инструментальная психология остается инструментальной психологией; средства «производства духа», дорастая до «знаков» и даже «смыслов», уже становятся вполне осязаемыми инструментами мыслительности; земля культурно-исторической теории плодоносит антропотехниками. И тут автором совершается прыжок в методологический космос, появляется щедровицанское сомнение почти в стиле «А был ли мальчик?» ... «А была ли культурно-историческая теория...?».

Но Петр Щедровицкий не был бы Петром Щедровицким, если бы на этом закрылся занавес в его спектакле.

Заключительная часть пьесы названа: «Приложение. Истоки культурно-исторической концепции Л.С. Выготского». Мне бы хотелось скорее назвать ее эпилогом. В ней на сцене появляется почти одновременно Шекспир, Гамлет, Спиноза и, конечно, Выготский. Личностные смыслы эпилога для Петра Щедровицкого выражают заголовки отдельных актов эпилога: «Синтез концепции: Гамлет Выготского и Гамлет Шекспира»; «Трагедия о Гамлете ... Л.С. Выготского» и т.п.

Именно анализ прорывающихся на поверхность сознания личностных смыслов П.Г. Щедровицкого позволяет предположить, что его произведение в трех прологах, трех действиях и одном эпилоге – это само по себе подлинное «производство новаций», системно-деятельностная антропология от Петра, которую мы по праву могли бы назвать «Выготский Петра Щедровицкого». Если бы мы провели воображаемый эксперимент и, пригласив Льва Семеновича Выготского прочитать книгу «Выготский Петра Щедровицкого», спросили, узнает ли он себя? Принимает ли свое очередное перевоплощение? Что бы он ответил? Не знаю, не осмеливаюсь судить. Но в одном, будучи человеком пятьдесят лет влюбленным в культурно-историческую теорию Льва Выготского, уверен. Лев Семенович сказал бы Петру: «Вы меня удивили», а потом бы, не исключая, добавил: «Ай да Щедровицкий, ай да сукин сын!».

Постараюсь проаргументировать то, что позволяет мне выдвинуть подобное предположение о позитивной реакции Л.С. Выготского на антропологию П.Г. Щедровицкого. Каждая зрелая теория создает и возделывает свой сад (Вольтер), свой «загон» мышления (Г.П. Щедровицкий), свою парадигму (Т. Кун). И она же порождает источники своего саморазвития,

преодоление самое себя. Перерождаются не только личности, но и научные системы. Л.С. Выготский мечтал, чтобы психология от систем перешла к судьбам. И несмотря на эту ценностную установку Л.С. Выготского, его критики не раз упрекали его в утрате субъектности, слепоте к судьбам конкретного человека (см. например, многочисленные работы одного из самых благородных учеников С.Л. Рубинштейна – А.В. Брушлинского). Но по сравнению с валом упреков в потере субъектности в адрес проектировщика общей теории деятельности Г.П. Щедровицкого любая критика «бессубъектности» у Л.С. Выготского, говоря языком основателя психофизики Г.Т. Фехнера, просто ниже порога различия.

Отсюда и проистекает антропологический пафос жизненного проекта антропопрактик П.Г. Щедровицкого – пафос антропологизации через диалог с Л.С. Выготским общей теории деятельности ММК, очеловечивание концепции мыслительности. И в личностном смысле труд П.Г. Щедровицкого – это прорыв из «загона» системы Г.П. Щедровицкого, а тем самым и выход системо-деятельностной теории в пространство антропологии, развертывание ее психотехнического потенциала в форме антропологических практик в теле общей теории деятельности. Отсюда и фокусировка в исследовании П.Г. Щедровицкого «орудийности» в культурно-исторической теории Л.С. Выготского.

Книгу П.Г. Щедровицкого хочется, как «открытое произведение» в понимании Умберто Эко, читать и перечитывать. И чем больше вчитываешься, тем больше возникает вопросов. Часть из них отпадает, когда осознаешь, что по своему психотипу и образу жизни П.Г. Щедровицкий как бы обречен на вынужденный познавательный эгоцентризм. Как в одном старом анекдоте: П.Г. Щедровицкий скорее писатель, чем читатель. Писатель ... и делатель. Поэтому бессмысленно пытаться П.Г. Щедровицкого о том, по каким причинам и обстоятельствам он прошел мимо многочисленных исследований в русле школы Л.С. Выготского, как в те годы, когда писались его работы, так и теперь, когда в России и на Западе идет гибридизация идей Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева с различными другими направлениями психологии и антропологии. Тем более бессмысленно задавать автору вопросы об его отношении к новым волнам так называемого «ревизионистского выготсковедения», своего рода критической психологической советологии, призывающей восстановить историческую правду, подлинность опубликованных текстов Л.С. Выготского и очистить эти тексты от трансформаций и даже фальсификаций, навешанных тоталитарной системой.

По поводу ревизионистского выготсковедения, которое имеет свое полное право на существование и дает оригинальную децентрацию

идей Л.С. Выготского, позволю лишь привести удачный афоризм Д.А. Леонтьева: «... детектор лжи не различает правды».

Повторюсь, что П.Г. Щедровицкий не заслуживает поучительных упреков в абстрагировании от многих исследований как в русле культурно-исторической психологии, так и новейшей постмодернистской антропологии (см. например, Эдуарду Вивейруш де Кастру «Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии», 2017). Он за рамками подобной критики, потому что в своей книге решает другую задачу – задачу антропологизации общей теории деятельности ММК и превращения новой конструктивной проектирующей антропологии в основание производства инновации, изменяющих мира индустриальной политики, образовательной и культурной политики. И поэтому П.Г. Щедровицкий вслед за Бруно Латуром мог бы повторить «Дайте мне лабораторию, и я изменю весь мир». Только бы П.Г. Щедровицкий, рискну предположить, внес бы свою мелодию в эту формулу: «Дайте мне проектирующую конструктивную антропологию, порожденную на стыке идей Л.С. Выготского и Г.П. Щедровицкого, и я ...?».

Тут оставим читателя в состоянии «прерванного действия» (эффект Б.В. Зейгарник), чтобы он сам смог принять или не принять новую антропологию – «антропологию от Петра» и испытать на самом себе, «зачем» и «как» она проектирует «технологии под смысл» в интеллектуальном ландшафте нашего времени.

А.Г. Асмолов

Асмолов Александр Григорьевич – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет психологии, Москва, 125009, ул. Моховая, д. 11, стр. 9; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, 119606, просп. Вернадского, д. 82.

Доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии личности МГУ им. Ломоносова, академик РАО, директор Школы антропологии будущего РАНХиГС.

agas@mail.ru

Asmolov Alexander G. – Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, 11/9, Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russian Federation; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82, Vernadsky prosp., Moscow, 119606, Russian Federation.

DSc in Psychology, Professor, Head of the academic department of Personality psychology, Lomonosov Moscow State University; Academician of the Russian National Academy of Education; Director of School for Anthropology of Future RANEPА.

DOI: 10.31857/S004287440006333-1